

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДЛЯ ПЕРЕМЕН?

I. ОБЗОР

Ежегодная встреча Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), открывающаяся 3 мая 2003 года, дает возможность для честной и беспристрастной оценки деятельности правительств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Если эта возможность будет использована для продвижения вперед реформ более согласованным и слаженным образом, спорное решение провести эту встречу в Ташкенте окажется вполне оправданным. В противном случае, и если выбор места проведения встречи будет воспринят как знак одобрения нынешней политики Узбекистана, существует серьезная опасность дальнейшего ухудшения как экономического климата, так и безопасности в Центральной Азии.

Для проведения ежегодной встречи крупной международной финансовой организации, приверженной принципам демократии и открытой экономики, выбор Узбекистана представляется тем более сложным.¹ По данным Фонда "Наследие" [Heritage Foundation] и газеты *Уолл Стрит Джорнал* [Wall Street Journal], с точки зрения экономической свободы, Узбекистан находится на 149 месте из 156 стран: положение хуже, чем в Бирме, хотя и несколько лучше, чем на Кубе. По шкале политических свобод и гражданских прав Дома Свободы страна названа "несвободной", набрав 6,5 из 7 баллов

¹В отличие от большинства международных финансовых институтов, программа ЕБРР носит намеренно политический характер: "содействие переходу к открытой рыночной экономике и развитию частного предпринимательства в ... странах, приверженных принципам многопартийной демократии, плюрализма и рыночной экономики." Устав Европейского банка реконструкции и развития. Источник: www.ebrd.org. См. там же, "Политические аспекты мандата Европейского банка реконструкции и развития".

(Ирак при Саддаме Хусейне получил 7 баллов, как и Туркменистан).

Вместо движения к демократии и открытой экономике, как произошло во многих странах Центральной Европы, в Центральной Азии стал формироваться иной тип политической и экономической системы, скорее напоминающий авторитарный феодализм, чем демократию, и экономика этих стран осталась в целом закрытой для свободной конкуренции и зачастую искаженной государственным вмешательством и коррупцией.

Реальность этих систем редко признается международным сообществом, которое слишком часто принимает высказывания правительств о демократизации и свободе за чистую монету. Проблема не только в отсутствии политической воли к проведению реформ, но во многих случаях – в активных политических мерах, противодействующих реформе, скрывающихся за фасадом прозападной риторики для сохранения притока кредитов и грантов. Встреча ЕБРР должна стать платформой для более честной оценки деятельности правительств и предоставить международному сообществу возможность выработать более согласованный и слаженный подход в деле продвижения вперед процесса реформ.

Центральноазиатские государства могут казаться относительно стабильными на первый взгляд, но эта стабильность являет собой опасно хрупкий внешний лоск, за которым скрывается целый ряд нерешенных противоречий. На карту поставлено не только экономическое благополучие Центральной Азии, но ее политическая стабильность и возможность волнений в будущем, которые имели бы огромное воздействие на весь регион.

Все государства региона сталкиваются с огромными трудностями:

- Плохо работающая экономика, не способная повысить уровень жизни после распада СССР;
- Большая экономическая зависимость от одного-двух экспортных товаров, что увеличивает риск экономических потрясений, коррупции и гражданского конфликта²;
- Непредставительные политические структуры с ограниченными механизмами передачи власти;
- Неспособность наладить действующие региональное сотрудничество по ряду ключевых вопросов, от охраны границ и безопасности до торговли и распределения водных ресурсов;
- Неспособность противостоять росту экстремистских политических и религиозных групп;
- Организованная преступность, в особенности связанная с переправкой наркотиков из Афганистана;
- Молодое и быстро растущее население, имеющее ограниченные перспективы образования, трудоустройства и здравоохранения;
- Сложная международная обстановка, когда крупные державы борются за установление своего влияния в регионе.

Настал хороший момент для того, чтобы по новому оценить проблемы и перспективы Центральной Азии. Именно такую возможность дает встреча ЕБРР, однако следует реально взглянуть на истинные проблемы, стоящие перед пятью государствами, и предложить практические решения, способные изменить положение.

² Пол Колье, "Рынок для гражданской войны", Внешняя политика, май/июнь 2002 г. [Paul Collier, "The Market for Civil War", Foreign Policy May/June 2002]. Колье, глава группы Всемирного банка, занимающейся исследованием развития, показывает, что страны с бедной экономикой, претерпевающей спад, зависящие от природных ресурсов и не способные проводить реальные экономические реформы больше подвержены риску конфликта. Этот риск увеличивается, если в этих странах уже имел место гражданский конфликт или широкомасштабное насилие, или если эти страны расположены в горной местности.

ЕБРР предложил для обсуждения на встрече ряд широких тем, касающихся:

- политической воли как необходимого элемента улучшения инвестиционного климата;
- ответственности бизнеса и влияния иностранных инвестиций на обычных людей;
- препятствий торговле и региональному сотрудничеству;
- разногласий по поводу водных ресурсов между странами Центральной Азии;
- поддержки малого бизнеса как двигателя экономического роста.³

В данном докладе представлен обзор этих проблем и предлагаются пути для того, чтобы требование перемен со стороны таких организаций, как ЕБРР могло превратиться в реальные реформы.

II. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ

Не стоит недооценивать трудности, с которыми центральноазиатские республики столкнулись с обретением независимости в 1991 году. Трудно строить государства почти с нуля, создавать правительственные учреждения и развивать долго дремавшие международные связи, одновременно стараясь удержать под контролем потенциальные этнические, социальные и политические конфликты.

Некоторые руководители по-прежнему утверждают, что прошло слишком мало времени для того, чтобы создать демократические системы или принести процветание своим народам. Однако различия, появляющиеся между центральноазиатскими государствами, явно свидетельствуют о том, что некоторым странам лучше удастся переход к открытому обществу и процветающей экономике. Различная степень успеха в странах Центральной Азии со времени независимости отчасти является результатом объективных факторов, влияющих на развитие, но в гораздо большей мере –

³ См. программу ежегодной встречи на сайте www.ebrd.org/am.

результатом конкретных политических решений, а также политического и экономического выбора, сделанного политическими лидерами.

А. КАЗАХСТАН

Для многих узбеков, таджиков и других жителей Центральной Азии Казахстан являет собой пример успеха. Действительно, экономические показатели здесь заметно улучшились в последние годы, а уровень жизни растет. Однако внешний экономический успех, видимый в оживленной (бывшей) столице Алматы может оказаться обманчив. Хотя Президент Нурсултан Назарбаев может считать своей заслугой экономический прогресс и даже просто сохранение целостности столь пестрого государства, политический авторитаризм его правления и высокий уровень коррупции в высших эшелонах политической системы грозят ослабить эти вполне реальные достижения.

В 2001 году многие молодые государственные чиновники и бизнесмены, все более недовольные авторитарной политикой Назарбаева, предприняли попытку создать мощное оппозиционное движение. В ноябре 2001 года они основали движение Демократический выбор Казахстана (ДВК), которое быстро обрело поддержку. Но под растущим политическим давлением и оказавшись перед угрозой коррупционного скандала вокруг тайных счетов в швейцарском банке, Назарбаев в ответ жестоко расправился и с прессой, и с ДВК.

Мухтар Аблязов и Галимжан Жакьянов – двое из лидеров ДВК – были арестованы и оказались в тюрьме, как и журналист Сергей Дуванов, которому было предъявлено сомнительное обвинение в изнасиловании.⁴ Ослабленная и разделенная, оппозиция, тем не менее, не исчезла, и обвинения в коррупции продолжают преследовать Назарбаева. В своем ежегодном обращении к нации в начале апреля 2003 года Назарбаев обещал широкомасштабную либерализацию, но до тех пор, пока диссиденты не будут освобождены, можно с полным

основанием считать это не более чем очередной риторической уловкой.

Б. КЫРГЫЗСТАН

В Кыргызстане Президент Аскар Акаев сумел установить наиболее либеральный политический и экономический климат в регионе, однако хорошие слова не всегда переходят в дела. Коррупция на высоком уровне и плохое управление тормозят экономический рост; журналисты и независимые СМИ продолжают испытывать сильное давление; а главный политический оппонент Акаева Феликс Кулов по-прежнему находится в тюрьме по обвинениям, которые представляются политически мотивированными.

Кыргызстан неминуемо должен был столкнуться с трудностями в построении жизнеспособной экономики ввиду отсутствия ресурсов и сложной географии. Экономика страны сильно зависит от добычи золота на единственном руднике.⁵ В экономической реформе произошли определенные сдвиги, но можно достичь большего, если предпринять серьезные усилия для борьбы с коррупцией на всех уровнях, и если родственники и друзья президента умерят свое желание контролировать наиболее прибыльные отрасли экономики.

В марте 2002 года в этой все более закрытой политической системе произошел кризис, когда милиционеры застрелили пятерых демонстрантов в южном районе Аксы. Возмущение действиями правительства привело к тому, что протесты и марши не прекращались в течение нескольких месяцев. Слабость оппозиции и ряд очевидных уступок со стороны правительства ослабили напряженность, однако недовольство правительством по-прежнему сильно, особенно на юге страны.⁶ 2 февраля 2003 года в стране прошел референдум, утвердивший президентские полномочия

⁴ См. материал "В Казахстане известный оппозиционный журналист приговорен по обвинению в изнасиловании", www.eurasianet.org, 28 января 2003; Резолюция Европейского Парламента по Казахстану, 13 февраля 2002 г., источник: www.europarl.eu.int.

⁵ По данным МВФ, в 2002 году отмечен скромный рост (3,5%) реального ВВП, не включающего золотодобычу и энергетику. Однако остановка производства на шахте в результате оползня привела к сокращению общего ВВП на 0,5%.

⁶ См. Отчет №37 МГПК – Азия, Политический кризис в Кыргызстане: стратегия выхода из кризиса [ICG Asia Report №37, Kyrgyzstan's Political Crisis: An Exit Strategy], Ош/Брюссель, 20 августа 2002 г.

Акаева до 2005 года и поправки к конституции. Однако почти нет сомнения, что результаты были фальсифицированы⁷ и что большинство населения не верит словам руководителей.

В. ТАДЖИКИСТАН

Таджикистан пережил жестокую гражданскую войну, которая длилась с 1992 по 1997 годы и закончилась компромиссным политическим урегулированием, в результате которого оппозиционная Партия исламского возрождения (ПИВ) и другие участники конфликта вошли в состав коалиционного правительства. Однако с 1997 года правительство усилило давление на оппозицию и стало все более централизованным, формируясь вокруг небольшой влиятельной группы людей, близких к Президенту Имомали Рахмонову.

Правительство сделало большие шаги в улучшении безопасности в стране, но не смогло сделать экономику достаточно открытой для того, чтобы стал возможен реальный рост уровня жизни большинства населения. Когда более 80 процентов населения живет за чертой бедности, возникает огромная необходимость в дополнительных инвестициях и росте, который способен повлиять на уровень жизни.⁸

⁷ Оппозиция утверждает, что явка была ниже необходимых 50 процентов. См. "Оппозиция приводит подробности нарушений в ходе референдума в Кыргызстане", *Kyrgyzstan Daily Digest*, 7 февраля 2003 г., www.eurasianet.org; и Международный Хельсинский Комитет, "Письмо Президенту Кыргызской Республики", 7 февраля 2003 г.

⁸ 9-процентный рост ВВП в Таджикистане в 2002 году, похоже, является признаком устойчивого прогресса и действительно отражает некоторое возрождение после упадка в период гражданской войны; однако цифры ВВП – плохой показатель состояния экономики в таких странах: статистика не всегда надежна, а официальная статистика скорее имеет отношение к небольшому формальному сектору экономики, где преобладает экспорт ресурсов. Отток капитала приводит к тому, что увеличение доходов в этих отраслях мало влияет на положение широких слоев населения. Реальные изменения в экономике, затрагивающие большинство населения, гораздо труднее оценить, но почти наверняка картина будет менее привлекательной. Подобные оговорки следует применять и к другим показателям роста в регионе. Полные данные см. в Приложении.

В настоящее время наиболее привлекательным вариантом для многих является работа за границей. Как минимум 500 тысяч таджикских граждан нанимаются на случайную работу в России, часто работая в опасных условиях и не имея правовой защиты.⁹ Средства, которые мигранты перечисляют домой, могут достигать 600 млн. долларов США в год.¹⁰ Другой существенной подпоркой для экономики является международная помощь, которая в 2002 году составила по меньшей мере 230 млн. долларов.¹¹ Зависимость Таджикистана от этих перечислений и внешней помощи делает страну опасно уязвимой перед внешним давлением. Концепция дальнейшего экономического развития практически отсутствует, но при сохранении существующих тенденций страна в будущем окажется перед лицом серьезных проблем, поскольку положение дел в сфере здравоохранения и образования резко ухудшается, и все большее число людей присоединяется к потоку отъезжающих в другие страны.

Г. ТУРКМЕНИСТАН

Самая худшая ситуация в регионе складывается в Туркменистане. Президент Сапармурат Ниязов преуспел в почти полном разрушении общества, которое он возглавляет, и каждый день его пребывания у власти уменьшает надежду на то, что Туркменистан когда-нибудь

⁹ Подтвержденные данные отсутствуют: по неофициальным оценкам, за границей в тот или иной момент работает до 1,5 миллионов таджиков. По некоторым сообщениям, как минимум 500-700 тысяч узбеков покинули родину в поисках заработка. [Hurtiyat [Ташкент], 9 апреля 2003, с. 3.] Проблема миграции становится критической для Центральной Азии, и не только в Россию и дальше, но и внутри региона. Теперь узбеки и таджики в поисках работы ездят в Казахстан и даже в Кыргызстан. Такая миграция в основном является неофициальной или нелегальной, что делает мигрантов незащищенными от плохого обращения или обмана; такая миграция – это легкий путь к торговле людьми.

¹⁰ Достоверные цифры отсутствуют, поскольку большинство перечислений осуществляется не через банки. См. Отчет №51 МГПК, Таджикистан: маршрут развития [ICG Asia Report №51, *Tajikistan: A Roadmap for Development*], 24 апреля 2003.

¹¹ Интервью МГПК с Эмином Сангиновым, директором отдела координации помощи при исполнительном аппарате Президента Республики Таджикистан, Душанбе, 3 декабря 2002 г.

станет процветающим плюралистическим государством. В конце 2002 года Ниязов пережил попытку покушения, но это привело к дальнейшей расправе со всяким, кто считается возможным противником его режима. Что касается экономики, Туркменистан обладает огромным потенциалом, располагая большими запасами газа и нефти. В последние два года, с увеличением экспорта газа, страна объявляла о росте, измеряемом двухзначными цифрами. Но эти деньги почти не доходят до населения; большая их часть идет в президентский фонд, который используется в основном на создание грандиозных строительных проектов.¹²

Ниязов или Великий Туркменбаши, как он сам себя называет, создал культ личности, равный тому, что существовал в Ираке при его бывшем лидере Саддаме Хусейне. Его высказывания и мысли собраны в псевдо-духовном руководстве под названием "Рухнама", ставшем основным учебником для школьников и студентов. Статуи и портреты лидера можно видеть повсеместно; нет спасения даже на телевидении: в углу экрана вращается его профиль.

Крупные сделки по продаже газа России и Украине обеспечивают постоянный источник средств для поддержания этой диктатуры. Но растущее недовольство общества и элиты угрожает долгосрочной политической стабильности. Пока Ниязов остается у власти, общество продолжает приходить в упадок: сильно страдает образование, и новое поколение, без надежды на будущее, ищет выхода в эмиграции, наркотиках или преступлениях.

Д. УЗБЕКИСТАН

В Узбекистане репрессивная политика Президента Ислама Каримова оправдывается

правительством как ответ на угрозу со стороны исламистских радикальных сил. Но похоже, что эти репрессии в основном приводят лишь к радикализации политической оппозиции.¹³ За прошедшее десятилетие свободные выборы не проводились, а присутствие огромного репрессивного аппарата министерства внутренних дел видно повсюду. Силы безопасности ответственны за систематическое нарушение прав человека, и не только в отношении политических оппонентов или религиозных деятелей, но и в отношении предпринимателей и торговцев.¹⁴

Узбекистан отверг путь рыночных реформ России и Казахстана и следует своей собственной модели экономического развития, которая представляет собой разрушительную смесь государственного вмешательства, политики замещения импорта и широкомасштабной коррупции. Экономика выживает лишь за счет экспорта хлопка и золота, а население все больше разочаровывается и беднеет. Нужны серьезные реформы, чтобы предотвратить социальное недовольство или еще худший сценарий.

В 2002 году МВФ предложил программу возможного содействия при условии выполнения программы штатного мониторинга, которая должна была привести к конвертируемости узбекской валюты. Узбекистан не только не выполнил требования МВФ, но и ввел огромные пошлины и нормативные ограничения на импортно-экспортные операции, в результате чего базары по всей стране временно опустели, а многие мелкие предприниматели остались не у дел или оказались втянутыми в незаконную контрабандную торговлю.¹⁵

¹² См. Отчет №44 МГПК, Трещины в мраморе: слабеющая диктатура Туркменистана [ICG Asia Report N°44, Cracks in the Marble: Turkmenistan's Failing Dictatorship], 17 января 2003. Зависимость Туркменистана от экспорта газа также говорит об ограниченной полезности цифр роста. В 1997 году ВВП сократился на 25 процентов, когда экспорт газа был приостановлен из-за споров о платежах с Россией; ВВП вырос на 16-20 процентов после того, как экспорт газа возобновился. Несмотря на показатели роста, большинство населения неизменно продолжает жить в бедности.

¹³ Как сказал один житель отдаленного района Сурхандарьинской области, "Мы никогда не занимались политикой или религией, но сейчас я готов сам воевать с правительством. Если бы у меня был выбор между этим правительством и ИДУ [Исламское движение Узбекистана – радикальная исламистская организация], я бы выбрал ИДУ". Интервью МГПК, Сурхандарья, 2003 г.

¹⁴ По мнению Специального докладчика ООН по проблемам пыток, посетившего Узбекистан в ноябре-декабре 2002 года, пытки в системе правосудия являются "системными".

¹⁵ См. Отчет №46 МГПК, Программа реформы в Узбекистане: иллюзия или реальность? [ICG Asia Report N°46, Uzbekistan's Reform Program, Illusion or Reality?], 18 февраля 2003.

Путь вперед для Узбекистана нелегок. Элита все активнее включается в политическую борьбу за наследование политической власти, и стимулы к проведению дальнейших реформ почти полностью отсутствуют. Но без значительной либерализации экономика обречена на дальнейший спад, а вместе с ней и политическая стабильность, которую правительство ценит превыше всего остального.

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЛЯ И ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ

Различная степень успеха общего политического и экономического развития в регионе отражена в различиях в привлечении иностранных инвестиций. Во всех странах региона, отчасти исключая Казахстан, иностранные инвестиции достигли предельно низкого уровня. К концу 2000 года Таджикистан получил на душу населения всего 30 долларов США совокупных прямых иностранных инвестиций за десять лет независимости. В Узбекистане эта цифра составляет всего 37 долларов. Лишь в Казахстане, где на душу населения приходится 564 доллара инвестиций за десятилетие, этот показатель выглядит более прилично. Чтобы представить эти цифры в масштабе, можно сказать, что Хорватия в одном только 2002 году получила около 214 долларов инвестиций на душу населения, тогда как в Узбекистане в том же году инвестиции составили всего \$2,5 на душу.¹⁶

Неспособность привлечь в страну инвестиции лишь отчасти зависит от экономического потенциала или ресурсов. На самом деле проблемами для инвесторов являются политические системы, слишком тесно связанные с бизнесом и сплошь пропитанные коррупцией; экономические правила,

способствующие сохранению существующего положения; и правители, мало заинтересованные в открытости экономики из страха лишиться политической власти.

Идея о том, что авторитарные правители могут провести в жизнь непопулярные реформы, возможно, находит поддержку в сравнительной литературе. В Центральной Азии тому есть мало свидетельств. По крайней мере каждый год, начиная с 1999, Президент Ислам Каримов обещает, что Узбекистан достигнет конвертируемости валюты, однако эта политика остается нереализованной, в немалой степени из-за того, что авторитарное правление допускает принятие политических решений группой заинтересованных сторон, извлекающих выгоду из существующего положения.

Это негативное влияние на принятие политических решений со стороны могущественных интересов, которые проиграла бы от реформ, очевидно во всех пяти странах. Их влияние на политические процессы является серьезным препятствием как для экономической реформы, так и для демократизации, и приводит к созданию политических режимов, в большей или меньшей степени зависящих от принуждения или феодальных методов распределения ресурсов для сохранения своей власти. Эти различные варианты авторитарно-феодальных систем, некоторые из которых гораздо более либеральные, чем другие, имеют три основные общие для них характеристики:

- правительство и крупный бизнес почти неотделимы, при этом чиновники в основном рассчитывают на доходы за счет мзды и экспорта ресурсов;
- частный сектор слаб, неспособен организоваться, во многом зависим от государственных властей и имеет ограниченную способность стать независимой силой;
- основная масса населения занята добычей средств к существованию, не имеет работы или мигрирует в другие страны в поисках заработка.

Подобные системы обеспечивают определенный уровень краткосрочной политической стабильности, поскольку они либо кооптируют потенциальную оппозицию, либо отстраняют ее

¹⁶ Цифры взяты из информационной секции журнала "Экономист" [Economist Intelligence Unit]. По оценкам ЕБРР, в Узбекистане в 2002 году прямые иностранные инвестиции составили всего \$65 миллионов. Однако Заместитель Премьер-министра Элёр Ганиев утверждал, что общая сумма иностранных инвестиций в 2002 году составила \$650 миллионов, а за период независимости сумма иностранных инвестиций достигла 14 миллиардов долларов США. "Иностранные инвестиции в Узбекистане составили \$650 млн. в 2002 году", 7 апреля 2002 г., информация помещена на сайте Национального Банка внешнеэкономической деятельности <http://eng.nbu.news>.

от участия, а также сохраняют контроль над элитами посредством феодального распределения ресурсов. Но при этом такие системы гарантируют долгосрочный экономический спад и нарастающий кризис легитимности элит, поскольку продолжение политики выдачи пособий и субсидий более не может удовлетворить потребности растущего населения и его устремления. Следовательно, нынешние политические системы, в которых противники реформ занимают влиятельные позиции, являют собой не только препятствие для экономического роста и притока инвестиций, но и потенциальный источник нестабильности в будущем.

А. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ПЕРЕМЕНЫ

Многие ключевые проблемы политики, стоящие перед центральноазиатскими странами, связаны с политикой элиты. Руководители, пришедшие к власти в начале 1990-х, в основном вышли из элит, существовавших в советский период. В Казахстане, Узбекистане и Туркменистане бывшие первые секретари коммунистических партий быстро поменяли этикетки и на словах выступили как поборники независимости, демократии и рыночной экономики.

За 12 лет независимости ни в одном из центральноазиатских государств не произошло реальной смены власти. Президент Каримов находится у власти с 1989 года, а после сомнительного референдума в 2002 году к его президентскому сроку прибавились еще два года, и этот срок теперь истекает в 2007 году. Президент Кыргызстана Акаев правит с 1990 года, хотя он пообещал уйти со своего поста в 2005 году. В Туркменистане Президент Ниязов находится на вершине власти с 1985 года¹⁷, и нет никаких признаков того, что он собирается отойти от дел в ближайшем будущем; в 1999 году он был провозглашен пожизненным президентом и пережил попытку покушения в ноябре 2002 года. Президент Таджикистана Рахмонов пришел к власти в 1992 году в разгар гражданской войны, но в июне он собирается провести референдум, который теоретически позволит ему править еще

два семилетних срока после выборов, назначенных на 2006 год.¹⁸ И, наконец, в Казахстане Президент Назарбаев является лидером страны уже 14 лет и также не подает никаких признаков желания уступить место все более нетерпеливому молодому поколению.

Время, когда эти лидеры пришли к власти, сильно отличалось от ситуации в 2003 году, и новые задачи требуют решения новым поколением руководителей. Способность нынешнего руководства осуществить мирный переход власти к новым политическим лидерам и политический характер этого нового поколения будут главным фактором, определяющим то, как страны Центральной Азии будут решать задачи нового глобального порядка.

Новое поколение политических лидеров готовится к переменам. В Центральной Азии существует огромный разрыв между поколениями – в их мировоззрении, их образовании и их понимании политических и экономических реалий. Было бы ошибочно полагать, что новое поколение руководителей непременно будет более прозападным или инстинктивно воспримет западные идеи политической демократии или рыночной экономики. В действительности разочарование Западом широко распространилось среди молодого поколения жителей Центральной Азии, в немалой степени по той причине, что огромные инвестиции западных институтов столь мало повлияли на их жизнь.

Отсутствие работающих механизмов политической преемственности в странах Центральной Азии создает для инвесторов неопределенность в долгосрочной перспективе. Отсутствуют гарантии того, что новые руководители будут соблюдать прежние контрактные обязательства, а в ряде случаев существует большая вероятность того, что переход власти будет сопровождаться дестабилизацией и даже насилием. Проведение таких перемен и поддержка новых реформаторски настроенных элит станет одной из главных задач на ближайшие годы. Мирные переходы власти будет легче осуществлять, если увеличить возможности для более

¹⁷ В 1985 году Ниязов стал Председателем Совета Министров, затем Первым Секретарем Компартии Туркменистана, а в 1990 году Председателем Верховного Совета. В июне 1992 года он был избран президентом страны большинством в 99,5% голосов.

¹⁸ Президент Рахмонов стал Председателем Верховного Совета в 1992 году; в 1994 году он был впервые избран на пост президента.

широкого политического участия, и как можно раньше. Открытие политических систем также постепенно сломало бы экономическое засилье малочисленных элит.

Б. ВЛАСТЬ ЗАКОНА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Если в этих государствах и отсутствует демократия, то закон и права человека там также не соблюдаются. Опять-таки, ситуация в пяти странах различная, хотя в каждой из них правовая система сильно зависит от режима и не может считаться независимой. В каждом государстве силы безопасности используются как политический инструмент для борьбы с оппозицией и сами стали значительной политической силой, по крайней мере в Узбекистане, а также в некоторой степени в Туркменистане.

Значительное экономическое развитие вряд ли возможно, если не уделить гораздо больше внимания сфере правосудия. При отсутствии независимой судебной власти, для разрешения коммерческих споров бизнесменам ничего не остается делать, как обращаться к неформальным влиятельным лидерам. Силы безопасности постоянно вмешиваются в деловые операции и часто имеют собственные полулегальные прибыльные источники дохода либо от защиты определенных предприятий, либо от непосредственного участия в коммерческой деятельности.¹⁹

Нарушения прав человека происходят повсеместно, и за последние 18 месяцев ситуация мало улучшилась, несмотря на повышенное международное внимание. Хуже всего положение в Туркменистане, где за попыткой покушения на Президента Ниязова последовала расправа над целым рядом чиновников и их родственников, многие из которых оказались в тюрьме без какого-либо настоящего суда.²⁰ В Узбекистане в 2002 году появились признаки улучшения обстановки: были зарегистрированы

две правозащитные группы, а число арестов религиозных деятелей сократилось. Но действительность по-прежнему удручает: граждане остаются лояльными репрессивному государству в основном из страха. Этот страх заметен на всех уровнях, от чиновников, боящихся выступить с политической инициативой или публичными заявлениями, до предпринимателей, опасаящихся начать или расширять свой бизнес, поскольку ждут от властей одних только проблем. Это полностью противоречит обстановке, в которой процветали бы предприниматели, готовые пойти на риск.

От нарушений прав человека страдают не только религиозные деятели или политическая оппозиция. Из-за применения пыток и избиений со стороны милиции граждане очень боятся иметь дело с правоохранительными органами, даже когда у них имеются законные жалобы. В результате бизнесмены редко обращаются в судебные инстанции, когда становятся жертвами угроз или вымогательства, особенно если нарушителями закона являются сами милиционеры. Многие считают, что лучше дать взятку или совсем продать свой бизнес, чем связываться с милицией. Следовательно, нарушения прав человека и нереформированная система правосудия являются серьезным препятствием для развития функционирующей, правовой экономики.

В. КОРРУПЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

На протяжении более десяти лет о борьбе с коррупцией много говорится в связи проблемами развития, и в мире накоплен ценный опыт и знания о том, какие способы работают, а какие нет. Но в Центральной Азии международные организации почти не используют этот опыт. Как регион, Центральная Азия стоит на одном из последних мест в мире по большинству показателей государственного управления.²¹ По показателям коррупции, представленным организацией Transparency International, Узбекистан и Казахстан занимают

¹⁹ См. Отчет №42 МГПК, Центральная Азия: политика реформы правоохранительных органов [ICG Asia Report №42, Central Asia: The Politics of Police Reform], 10 декабря 2002.

²⁰ См. Отчет №44 МГПК, Трещины в мраморе: слабеющая диктатура Туркменистана [ICG Asia Report №44, Cracks in the Marble: Turkmenistan's Failing Dictatorship], 17 января 2003.

²¹ См., к примеру, показатели управления Всемирного банка в Рабочем документе по исследованиям политики "Дела управления II" [Kaufmann, Kraay, and Zoido-Lobaton, "Governance Matters II," Policy Research Working Paper 2772].

соответственно 68-е и 88-е места из 102 стран, в которых оценивалась прозрачность управленческой практики.²²

В каждой стране коррупция начинается на самом верху. Кыргызстан сохраняет лидерство по абсолютным объемам коррупции, отчасти потому, что там просто можно больше украсть. Когда обнаружилось, что Президент Назарбаев положил в швейцарский банк на свое имя 1 миллиард долларов государственных средств, его, похоже, удивил масштаб критики, последовавшей за этим разоблачением. С его точки зрения, он не сделал ничего дурного; будучи "Отцом Нации", в его представлении не существовало разницы между государственными и президентскими финансами. Премьер-министр Имангали Ташмагамбетов* защищал действия Назарбаева, говоря, что этот счет дважды помогал правительству отвести финансовые кризисы.²³

Подобное восприятие отсутствия различий между государственными и личными средствами присутствует во всей Центральной Азии. Коррупция в высших эшелонах правительственных министерств и ведомств обеспечивает распространение подобных противозаконных действий по всей системе. Существует широко распространенная практика получения государственных постов не на основании заслуг, а благодаря связям, или же должность можно просто купить. Это происходит почти на всех уровнях: один киргизский милиционер в беседе с МГПК жаловался: "Я уехал в командировку на две недели, а когда вернулся, кто-то уже купил мое место за \$3000".²⁴

Подобная практика оказывает вполне очевидное влияние на эффективность работы государственных органов. Губернатор или налоговый инспектор, заплативший большие деньги за свое назначение, должен как можно

быстрее окупить свои вложения. Поскольку большинство чиновников назначается, а не избирается, их могут снять с должности так же быстро, как назначили. Поэтому для многих чиновников начинается нервная гонка со временем, чтобы вернуть заплаченные деньги прежде, чем их назначат на другую должность в результате очередной кадровой перетасовки. В Узбекистане в 1993-2002 годах средний срок пребывания в должности хокима (губернатора области) составлял менее трех лет.²⁵

Коррупция может сильно ослабить государственные структуры, и контроль над отдельными частями экономики или определенными территориями может перейти в руки криминальных групп или местных "авторитетов". Кыргызстан предпринимает огромные усилия, создавая структуры для привлечения инвестиций: Секретариат по иностранным инвестициям; Консультативный Совет по иностранным инвестициям; и специальное универсальное бюро, где инвесторы теоретически могут решить все бюрократические проблемы в одном месте. Однако реальность несколько иная.

В отдаленном Араванском районе к югу от Оша хлопкоочистительная фабрика, успешно работающая под руководством российского инвестора, в декабре 2002 года была захвачена группой теневых бизнесменов из соседнего Узбекистана. Владелец фабрики был изгнан из города вооруженными головорезами, и все его призывы о помощи, обращенные сначала к губернатору области, а затем к правительству в Бишкеке, не помогли ему вернуть контроль над фабрикой. Когда правительство наконец распорядилось, чтобы милиция восстановила контроль над фабрикой от имени ее законного владельца, частная охрана заставила милиционеров отступить.²⁶

²² Индекс коррупции за 2002 год организации "Международная Гласность" [Transparency International Corruption Perceptions Index 2002], источник www.transparency.org

²³ "Премьер-министр Казахстана признает существование тайного правительственного фонда" ["Kazakhstani Prime Minister Admits to Existence of Secret Government Fund"], Eurasia Insight, 5 апреля, 2002, источник: www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav040502a.shtml

²⁴ Интервью МГПК, февраль 2003 г.

²⁵ Полин Джонс Луонг, "Политические преграды экономической реформе в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане: стратегии движения вперед" [Pauleen Jones Luong, "Political Obstacles to Economic Reform in Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan: Strategies to Move Ahead"], с. 17, доклад представлен на конференции СНГ-7 в Люцерне, 20-22 января 2003 г. Источник: www.CIS7.org.

²⁶ См. Слово Кыргызстана (Бишкек), 3 января 2002; дополнительная информация получена из интервью МГПК.

Эта неспособность государства противостоять неформальным структурам власти, включая мафиозные группы и могущественные деловые круги, служит громким предостережением для любой инвестиционной программы в Центральной Азии. Здесь попросту нет достаточно прочной гарантии, что компания может потребовать от государства и правоохранительных органов беспристрастной защиты ее интересов. Отчасти это может происходить по причине того, что криминальные группы и коррупция проникли в государственные структуры или ослабили их. Такая тесная связь между государственными органами и криминальным миром наиболее заметна в Таджикистане, где граница между ними оказалась размыта за годы гражданской войны, но во всех государствах Центральной Азии существуют и приближенные к элитам полукриминальные элементы, нередко связанные с контрабандой наркотиков. Имеются надежные сообщения, что в Туркменистане Президент Ниязов лично обогащается за счет незаконной транспортировки наркотиков.²⁷ В Узбекистане полу-уголовная мафия достигла компромисса с государством, которое позволяет ей действовать почти беспрепятственно, а нарко-картели завладели рычагами в органах безопасности во всех странах региона.

Чтобы усилить приток инвестиций в Центральную Азию, борьба с коррупцией должна стать приоритетом номер один. Однако правительственные программы борьбы с коррупцией носят скорее показной характер или нацелены только на политических оппонентов. Чтобы добраться до сути проблемы, необходимы политические перемены, большая открытость в управлении, более сильная пресса и более независимая судебная система. Большая готовность международного сообщества уделять внимание этой деликатной теме и следить за тем, чтобы их собственные компании и проекты не оказались втянутыми в эту же систему, также могла бы стать хорошим шагом вперед.

III. ТОРГОВЛЯ, РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Мало найдется стран, которые так же сильно пострадали в результате распада Советского Союза, как страны Центральной Азии. Там, где когда-то не было никаких барьеров между республиками, появились мины, колючая проволока и всевозможные пограничные и таможенные кордоны. Трудности, связанные с движением товаров в регионе, привели к резкому сокращению торговли на его территории.

Маленький город Кара-Суу, расположенный в 20 милях от киргизского города Ош, знаменит своим базаром. На обширной территории, заполненной контейнерами и прилавками, покупателям предлагаются одни из самых лучших по цене товаров в Центральной Азии. Радиокассетный магнитофон можно приобрести меньше, чем за пять американских долларов (гарантия – одна неделя); по сходным ценам предлагается большой выбор одежды, обуви и бытовых товаров. Цены здесь дешевые, поскольку товары в основном приходят из Китая, через горные перевалы из Урумчи и Кашгара.

Базар находится в Кара-Суу по причине местоположения этого городка – вблизи крупного киргизского города Ош и прямо у границы с Узбекистаном. Когда в 2002 году узбекские власти наложили ограничения на торговлю на базарах внутри страны, твердая валюта хлынула из Узбекистана на рынок Кара-Суу: по словам местных чиновников, этот валютный приток, возможно, достигал 2 миллионов долларов в день. Вместо того, чтобы ослабить торговые ограничения, в попытке оживить бизнес на своей территории узбекское правительство приняло простое решение: в декабре 2002 года был разобран мост, соединявший Кара-Суу с узбекским берегом, что одним ударом положило конец всей легальной трансграничной торговле. В ответ на это торговцы построили свои собственные ненадежные переправы через реку, которые были снесены пограничниками. Однажды узбекские

²⁷ См. Отчет №44 МГПК, Трещины в мраморе: слабеющая диктатура Туркменистана [ICG Asia Report N°44, Cracks in the Marble: Turkmenistan's Failing Dictatorship], 17 января 2003.

пограничники открыли огонь по торговцам, пытавшимся переправиться через реку.²⁸

Но не только физические преграды на границах мешают свободному потоку товаров. В Кыргызстане, который иногда называют самым либеральным из центральноазиатских государств, предприниматель, желающий экспортировать фрукты или овощи, должен пройти примерно 13 различных процедур, чтобы получить разрешение таможи на вывоз своего товара. Этот процесс, который по сути представляет собой сертификацию и регистрацию груза в различных государственных ведомствах, отнимает много времени и денег.

Но после того, как эта процедура пройдена, легче не становится. Несмотря на наличие всех необходимых документов, киргизский водитель, желающий въехать в Узбекистан, скорее всего, столкнется с требованием взяток на нескольких контрольных пунктах, а затем ему придется снова пройти всю эту процедуру по другую сторону границы. Нет нужды говорить, что узбекский водитель, движущийся в противоположном направлении, столкнется с теми же препятствиями со стороны киргизских чиновников. Отправка грузов через Казахстан может быть еще более проблематичной. По подсчетам Азиатского банка развития, перевозка банки томатной пасты автотранспортом из Бишкека в Новосибирск (Россия) добавит примерно 35 процентов к ее стоимости.²⁹ И это может быть консервативной оценкой. Один аналитик сказал в беседе с МГПК, что на оплату официальных и неофициальных расходов, связанных с транспортировкой грузов через территорию Казахстана может уходить до 60

процентов стоимости торговых контрактов между Кыргызстаном и Россией.³⁰

Сломанный мост в Кара-Суу символизирует провал попыток объединить центральноазиатские государства в торговый блок, который преодолел бы границы их собственных малых рынков и привлек иностранных инвесторов на благо всего региона. Попытки возродить легендарный Шелковый Путь – средневековый торговый маршрут из Китая в Европу – повлекли за собой бесчисленные международные конференции и финансируемые ЕС мероприятия. Программа ТРАСЕКА Европейского Союза произвела на свет красочные карты будущей инфраструктуры, которая однажды снова свяжет два континента. Но эти грандиозные проекты так и не принесли плодов: политика центральноазиатских стран создала слишком много препятствий на пути свободной торговли и свободного передвижения людей через границы в этом регионе.

Ни одно из этих препятствий не оказывает существенного воздействия на нелегальную трансграничную торговлю. Наркотики легко преодолевают трудные границы: в 2002 году центральноазиатские страны в совокупности изъяли около 4,6 тонн героина³¹, но даже по консервативным оценкам конфискованный объем составляет всего 10 процентов трафика. Несмотря на присутствие мощной охраны на многочисленных контрольно-пропускных пунктах, нужные связи или взятки помогут почти любому переправиться через центральноазиатские границы. Единственные люди, которые действительно пострадали – это девяносто процентов населения, у которых нет ни денег, ни связей, и которые всего лишь хотят доставить на рынок свой товар.

Предпринимаемые одна за другой попытки разобраться с границами и улучшить региональную интеграцию терпят неудачу из-за

²⁸ "Обстрелы Кара-Суу. В чем причина перестрелки на киргизско-узбекской границе". Моя столица (Бишкек), 18 апреля 2003 г. Строители любительских мостов демонстрировали, как может работать либеральный пограничный режим: они вносили плату в 5 сомов (U.S.\$0.1) за переправу через границу, плюс прогрессивный тариф за товары; проверка документов и таможенный контроль отсутствовали. Подобные незаконные переправы существуют и в других местах узбекской границы. Время от времени пограничники пытаются прекратить эти переправы, но чаще закрывают на них глаза в обмен на взятки.

²⁹ Международный валютный фонд, Страновой отчет №03/53, "Кыргызская Республика: отдельные вопросы и статистическое приложение", февраль 2003.

³⁰ Интервью МГПК, Ош, апрель 2003.

³¹ Цифры взяты из статистических данных по странам, предоставленных UNODC ROCA. В ближайшем будущем объемы транзита вряд ли сократятся. Опубликованный в марте 2003 г. экспресс-анализ производства опиума в Афганистане, проведенный UNODC, дает основания полагать, что производство опиума в северных провинциях Афганистана "сильно увеличится" в 2003 году. Значительная его часть, несомненно, будет переправляться через государства Центральной Азии.

политического возражения против участия в региональных проектах со стороны Узбекистана и Туркменистана; из-за алчности пограничников и таможенных чиновников в Казахстане; и из-за неспособности Таджикистана в прошлом принять меры против воинствующих групп, что дало Узбекистану повод заложить минные поля, которые теперь расположены вдоль большей части его юго-восточной границы. Но это оправдание угрозами безопасности сейчас во многом потеряло свой смысл: безопасность в Таджикистане намного улучшилась, а угроза со стороны воинствующих групп в Афганистане уменьшилась, хотя конечно полностью не исчезла.

Настало время снова открыть границы для трансграничной торговли и людского потока. Сделать это нелегко, отчасти потому, что экономики центральноазиатских стран стали значительно отличаться за прошедшее десятилетие. Но без улучшения региональной торговли ни одна из этих экономик, скорее всего, не достигнет долговременного процветания. Наиболее острая ситуация сложилась вокруг необозначенных границ и анклавов в Ферганской долине. Большие участки киргизско-узбекской границы остаются спорными, а киргизско-таджикская граница на большей части своей протяженности до сих пор формально не демаркирована.

В силу географического положения и относительно слабой обеспеченности природными ресурсами, Кыргызстану и Таджикистану суждено быть торговыми государствами. Поэтому их будущее процветание зависит от возможности выхода на рынки Китая, Ирана, Турции, России и, возможно, в конечном итоге, Европы. Реальность, однако, такова, что за исключением Китая, для доступа к этим рынкам необходимо пересекать территорию Узбекистана, Туркменистана и Казахстана. Поэтому любая модель будущего экономического благополучия Кыргызстана и Таджикистана нуждается в каком-нибудь соглашении о региональной торговле.

ТРАСЕКА и другие региональные транспортные проекты, например, инвестиции ЕБРР в транспортный сектор, должны быть пересмотрены с целью создания объединенной инфраструктурной программы, которая ставила бы внешнее содействие развитию транспортной инфраструктуры в прямую зависимость от

принятия международных норм пограничного контроля и визовых процедур. Оправдание более строгих пограничных процедур должно быть определено жесткими условиями национальной безопасности. Чтобы обеспечить соблюдение, можно привлекать независимые группы мониторинга. Это может означать, что страны, которые ограничивают торговлю, закрывая границы и вводя суровые тарифные режимы (как, например, Узбекистан и Туркменистан), будут исключены из участия в этих программах. Таким вот образом. Любой другой подход приводит к тому, что улучшение двухсторонних отношений между странами, готовыми к сотрудничеству, страдает из-за руководителей, не способных видеть необходимость в региональном подходе к проблемам.

IV. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА

При отсутствии иностранных инвестиций в Центральной Азии, почти любой приток капитала можно приветствовать. Но в ряде отраслей уделяется мало внимания идее "процветания людей" или ответственного участия в улучшении политических и социальных условий. Иностранные инвесторы должны отдавать себе серьезный отчет в том, какое влияние оказывает их деятельность на уровень коррупции в стране, на характер политических режимов и на жизнь обычных людей, работающих в их отраслях.

Грандиозные здания, возвышающиеся над горизонтом в Ашгабаде, построены почти исключительно небольшим числом турецких строительных компаний и французским инженерным гигантом "Буиг" [Bouygues]. Из числа других зданий, созданных для пропаганды режима, Bouygues несет ответственность за президентский дворец Ниязова и огромную мечеть в деревне, где родился Ниязов; компания а также якобы финансировала инвестиции в государственное телевидение Туркменистана – пропагандистскую машину, которая служит лишь для увековечения культа личности президента.³²

Хотя частные инвестиции могут открыть дорогу для внешнего влияния на закрытые общества,

³² Первый канал туркменского телевидения, Ашгабад, 23 августа 2002 г., по сообщениям Службы Мониторинга Би-Би-Си, Центральная Азия, 24 августа 2002.

иногда попытки участия западных компаний принимают формы уродливого работорговства. 6 февраля 2003 года президент заграничного филиала компании Даймлер Крайслер господин Эрих Йоншер встретился с Президентом Туркменистана Сапармуратом Ниязовым и подарил ему переведенную на немецкий язык книгу Ниязова "Рухнама"; перевод был оплачен компанией Даймлер Крайслер, явно без внимания к тому ужасающему воздействию, которое эта книга оказывает на образование и общество в Туркменистане.

В добывающих отраслях правительство может легко контролировать прибыль, не раскрывая при этом, куда эта прибыль в конечном итоге поступает. Это является большой проблемой в казахстанской нефтяной отрасли: против американского посредника Джеймса Гиффена выдвинуты обвинения в даче огромных взяток казахским правительственным чиновникам от имени американских нефтяных компаний. В Туркменистане значительная часть прибыли нефтегазового сектора поступает напрямую во внебюджетный Валютный резервный фонд (ВРФ), который по сути находится под личным контролем Президента Ниязова. Он использует этот фонд в личных целях, а также для создания культа своей личности, возводя статуи, памятники и другие грандиозные проекты. ЕБРР приостановила инвестиции в проекты, прибыль от которых поступала в ВРФ,³³ но многие частные компании продолжают по существу поддерживать диктатуру посредством своей коммерческой деятельности. Подобные опасения по поводу западных инвестиций в добывающую промышленность существуют и в других странах Центральной Азии.

Такая деятельность не только способствует росту коррупции и поддержанию самых худших сторон дикторского правления, но в некоторых отраслях ведет к пренебрежению проблемой эксплуатации рабочих. В хлопковой отрасли по всей Центральной Азии имеют место многочисленные злоупотребления. В Кыргызстане и Казахстане хлопководческие хозяйства в основном приватизировались, в результате чего доходы фермеров постепенно повышаются и к участию привлекаются иностранные компании, обеспечивающие техническую помощь,

фьючерсные контракты и альтернативные каналы сбыта. В Кыргызстане ассоциация производителей хлопка впервые позволила фермерам напрямую продавать свою продукцию на мировые рынки. Проблемы остаются, особенно касающиеся эксплуатации рабочих в Казахстане, но ситуация постепенно улучшается.

Положение дел в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане представляет собой разительный контраст. В Андижанской области Узбекистана, что лежит всего лишь по другую сторону границы с Ошской областью, школьников отрывают от учебы почти на два месяца для сбора урожая. Фермеры получают лишь малую долю мировой цены на хлопок, который они в полном объеме сдают государству. Областное начальство и криминальные группы скупают хлопок по низким ценам, переправляя часть для продажи по рыночным ценам в Кыргызстан и Казахстан, а большая часть урожая продается международным покупателям двумя компаниями, действующими от имени государства.

Крупные международные компании тесно связаны с этой эксплуататорской системой. Швейцарские компании, такие как Paul Reinhardt AG, играют значительную роль в хлопковой отрасли Таджикистана, где у фермеров накопилась огромная задолженность перед иностранными инвесторами по фьючерсным сделкам. Хотя нефтяные компании по крайней мере отчасти осознали необходимость ответственного поведения в отношении сообщества, с которым они взаимодействуют, другие добывающие отрасли, похоже, не спешат следовать их примеру. Опасность в том, что их деятельность в первую очередь упрочивает сами условия, обеспечивающие столь малый приток иностранных инвестиций в этот регион, а также приводит к дальнейшему разочарованию ролью Запада в регионе.

V. ВОДА: СПОРЫ И СОТРУДНИЧЕСТВО

Отсутствие регионального сотрудничества в Центральной Азии, пожалуй, наиболее опасно в области жизненно важных водных ресурсов, вокруг которых возникает множество политических разногласий. Неспособность

³³ "Туркменистан: страновая стратегия" ["Turkmenistan: Country Strategy"], www.ebrd.org

урегулировать эту проблему привела к самой крупной экологической катастрофе в регионе – высыханию Аральского моря, а также к серьезным политическим и экономическим последствиям для заинтересованных государств.

Напряженность возникает вокруг двух главных рек, впадающих в Аральское море: Сырдарья, протекающей по территории Кыргызстана, Узбекистана и Казахстана; и Амударья, берущей начало в Таджикистане и протекающей через Узбекистан и Туркменистан. Кыргызстан и Таджикистан контролируют эти реки в верхнем течении, и споры о нуждах стран верховья и низовья служат источником серьезных политических разногласий. Напряженность существует и между странами низовья. В 1995 году водохозяйственные споры между Туркменистаном и Узбекистаном едва не привели к военной конфронтации, а прекращение переговоров в конце 2002 года также не предвещает ничего хорошего.

Амударья и ее притоки образуют часть границы между центральноазиатскими странами и Афганистаном, и увеличение потребности Афганистана в водоснабжении лишь усугубит проблему. В настоящее время эта страна использует очень мало воды из Амударьи, однако строительство оросительных систем создаст дополнительную нагрузку на ресурсы этой реки.

Экономика Узбекистана и Туркменистана сильно зависит от интенсивного орошения, необходимого для производства таких культур, как хлопок и рис. Но ирригационные системы пришли в такой сильный упадок, что в результате фильтрации и испарения половина воды не достигает полей.³⁴ Странам низовья требуется все больше воды для растущей сельскохозяйственной отрасли и растущего населения, в то время как экономически более слабые страны верховья пытаются получить больший контроль над своими ресурсами и использовать больше воды для выработки электроэнергии и земледелия.

Для регулирования водопользования созданы системы водохозяйственного управления, но в целом они не способны решать реальные

острые проблемы. Созданная в 1992 году Межгосударственная координационная водная комиссия (МКВК) не учитывает меняющиеся политические и экономические отношения. Она представляет собой довольно закрытый межправительственный орган, занимающийся почти исключительно разделом воды. В нем не представлены сельскохозяйственные или промышленные потребители, неправительственные или другие организации.

Западные доноры начали разрабатывать другие системы управления, например, программу Глобального экологического фонда [Global Environment Facility (GEF)], во взаимодействии с Международным фондом спасения Арала (МФСА). Осуществляемая при поддержке ООН Специальная программа для экономик Центральной Азии (SPECA) также занимается вопросами водохозяйственного управления. Но ни одна из этих инициатив не преуспела в устранении главных политических препятствий, в частности нежелания государств сотрудничать.

В целом, международное участие в водохозяйственном секторе чаще оказывалось неудачным, чем успешным. Дорогостоящие технические программы с участием иностранных специалистов обычно демонстрировали неспособность понять местную специфику водохозяйственных традиций и политический контекст, в котором эти традиции действуют. В одном обзоре международного содействия в водохозяйственном секторе говорилось, что "[агентство] USAID ... тратило огромные средства, ... мало обращая внимания на эффективность, практичность и результаты". Деятельность многих других доноров столь же расточительна и неэффективна.³⁵ Отсутствие результатов ведет к сокращению потока помощи этой отрасли, и доноры опасаются вкладывать дополнительные средства в то, что зачастую видится им как черная дыра.

Первоначальное сосредоточение усилий международных агентств на дорогостоящих

³⁴ См. Отчет №34 МГПК, Центральная Азия: вода и конфликт [ICG Asia Report N°34, Central Asia: Water and Conflict], 30 мая 2002.

³⁵ В. А. Духовный, "Десять лет донорской помощи для программы бассейна Аральского моря", АБР, Сотрудничество в области совместного использования водных ресурсов в Центральной Азии: опыт прошлого и задачи будущего; материалы представлены на региональном семинаре АБР в Алматы 26-28 сентября 2002 г.

технических решениях водохозяйственных проблем зачастую отвечало желанию центральноазиатских государств подходить к вопросу исключительно как к инженерной проблеме, не имеющей отношения к урегулированию множества политических, социальных и экономических факторов. В настоящее время среди специалистов существует более широкое понимание, что решение водных проблем бассейна Аральского моря вряд ли достижимо без решения связанных с ними вопросов социальной и экономической политики. Однако добиться того, чтобы такое понимание разделяли ключевые ответственные руководители гораздо труднее, поскольку лобби различных могущественных групп довольно сильно, особенно тех, кто заинтересован в увеличении производства хлопка, не платя при этом реальной стоимости орошения.

Типичным примером такого подхода является поддержка Узбекистаном идеи поворота российских рек в Центральную Азию для решения проблемы водного дефицита в сельскохозяйственных регионах страны. Подобный проект не является коммерчески обоснованным и, скорее всего, будет сопровождаться серьезными экологическими последствиями. Для узбекского правительства такой подход является привлекательным, поскольку позволяет избежать необходимости пересмотра сельскохозяйственной политики, где по-прежнему делается упор на контролируемое государством производство хлопка; он также является альтернативой частному фермерству, которое будет необходимо для того, чтобы взимать платежи за водопользование и повышать эффективность орошения.

Более действенные международные программы старались усилить поддержку "снизу", со стороны населения, альтернативных водохозяйственных методов и начали привлекать НПО и частных фермеров к процессу принятия решений об использовании водных ресурсов. Подобный "низовой" подход полезен и необходим, однако по-прежнему существует острая потребность в общей политической координации между государствами Центральной Азии для выработки многостороннего подхода, затрагивающего энергетические, сельскохозяйственные и демографические аспекты водопользования. Управление водными ресурсами необходимо реформировать, чтобы

повысить отчетность и прозрачность и начать внедрение ценовых механизмов, стимулирующих эффективное использование воды. Но в первую очередь, политическим лидерам необходимо принять трудные политические решения в отношении интересов в сельскохозяйственном секторе и согласиться с необходимостью компромиссов с соседями.

VI. СОДЕЙСТВИЕ МАЛОМУ БИЗНЕСУ

Наследие советского периода неминуемо должно было затруднить развитие частного сектора. Очень многие правительственные чиновники продолжают мыслить категориями грандиозных экономических проектов, в которых ведущая роль принадлежит государству. И концепция государственного вмешательства в бизнес по-прежнему широко распространена. Однако, несмотря на эти проблемы, предпринимательство быстро растет. С падением старой системы люди стали искать новые пути выживания, обычно создавая небольшие частные предприятия, в основном торговые, но все больше их возникает в сфере услуг, а иногда и в сфере производства. Эта очевидная готовность населения заниматься бизнесом – а также талант многих жителей Центральной Азии, развившийся в результате многовековых торговых традиций – не находит отражения в политике правительства, призванной стимулировать развитие этого сектора.

Казахстан и Кыргызстан являются наиболее прогрессивными государствами с точки зрения экономических реформ и либерализации. Кыргызстан, долгое время бывший любимцем международных финансовых институтов, ведет с международным сообществом весьма умную игру, и особенно хорошо ему удается представить себя как демократического партнера-реформатора в регионе, где иначе было бы трудно работать. Но за витриной красивых слов и международных конференций значительная часть политической системы и экономики погрязла в коррупции, а амбициозные планы, о которых объявляют на международных встречах, редко становятся реальностью.

Тем не менее, при всех своих проблемах, Кыргызстан постепенно движется вперед. Приватизация сельского хозяйства во многих

районах первоначально оказалась катастрофой, поскольку фермеры продали свой скот за деньги, вместо того, чтобы делать инвестиции для будущего роста. Но сейчас в некоторых местах частные хозяйства начинают набирать силу. В 2002 г. экспорт сельскохозяйственной продукции вырос на 30 процентов, а новые схемы для фермеров южного Кыргызстана открывают возможность для экспорта фруктов, овощей и цветов в Россию, Европу и другие регионы. Многие из этих схем еще не скоро принесут плоды, но по крайней мере табак и хлопок в настоящее время экспортируются частным образом, хотя посредники по-прежнему берут слишком большие комиссионные.

В Казахстане рост малого и среднего бизнеса (МСБ) усилился на волне развития нефтяной отрасли; также значительно повысилась степень участия МСБ в сфере услуг. Для Казахстана опасность состоит в чрезмерном инвестировании в нефтяной сектор в ущерб другим отраслям экономики. Согласно прогнозам, нефтяные запасы иссякнут в 2015 году,³⁶ а это значит, что для поддержания роста стране придется все больше полагаться на деятельность МСБ в других отраслях. Однако в сельскохозяйственном секторе, к примеру, столь необходимые земельные реформы идут медленно, а в новом проекте земельного кодекса сохранился ряд ограничений на частную собственность. Когда примерно 43 процента населения страны живет в сельской местности,³⁷ эти реформы необходимы для того, чтобы сельскохозяйственные предприятия могли также вносить свой вклад в будущий рост.

В трех других государствах положение МСБ значительно хуже. В Туркменистане частный сектор ограничен и находится под постоянным давлением. Хотя правительство утверждает, что в 2002 году на долю частного сектора приходилось 40 процентов ВВП, эта цифра по всей вероятности значительно преувеличена.³⁸ Инвестиции в основном сосредоточены в энергетической и строительной отраслях, характеризующихся большой долей государственного участия. Туркменистан уже стал самым малопривлекательным из

центральноазиатских государств, и инвестиционный климат там вряд ли улучшится, пока у власти находится Президент Ниязов.

В Узбекистане, который обладает, пожалуй, наибольшим потенциалом для развития МСБ, правительство на словах поддерживает малый бизнес, а Министерство Юстиции пытается пресекать вмешательство со стороны местных властей. Однако на деле независимость предприятий ограничена. Каждый чиновник, от председателя махаллинского комитета (орган местного самоуправления) до сотрудника аппарата президента, по-прежнему считает себя в праве вмешиваться, в основном по собственному усмотрению, в дела частного бизнеса.

Мощный удар по всему частному сектору был нанесен новыми торговыми ограничениями, введенными в Узбекистане в 2002 году, в результате чего количество малых и средних предприятий торговли и сбыта резко сократилось.³⁹ После принятия новых положений у многих бизнесменов товар был конфискован, другие были вынуждены заниматься полукриминальной контрабандной деятельностью; в результате, коррупция среди таможенных властей и регулятивных органов увеличилась. Продолжают регулярно появляться новые необъяснимые нормативы и директивы для малого бизнеса, и нет никаких свидетельств политической готовности изменить подобный ход событий.

Но урон малому и среднему бизнесу в Узбекистане наносят не только государственные указы. Сообщается о многочисленных случаях изъятия прибыльных предприятий или скупки их по низким ценам правительственными чиновниками. Предприниматель Олимджон Юсупов утверждает, что в 2001 году его успешно работающая хлебопекарня незаконным образом перешла в руки родственников высокопоставленного министра правительства, после того, как суд убедили аннулировать его право собственности на это предприятие. Юсупов сетует:

³⁶ Economist Intelligence Unit (EIU), Страновой отчет по Казахстану, апрель 2003 г.

³⁷ Там же, январь 2003 г.

³⁸ EIU, Страновой отчет по Туркменистану, март 2003 г.

³⁹ "В Узбекистане сокращается число торговых предприятий", репортаж узбекского телевидения, 1-й канал, 5 апреля 2003 г., по материалам Би-Би-Си (BBC Monitoring Global Newswire Economic File – Central Asia, 6 апреля 2003 г.).

"С одной стороны, они все говорят о поддержке малого и среднего бизнеса, и в то же время вы видите полное неуважение закона со стороны официальных членов правительства. Закон на моей стороне, но для [названо имя министра правительства] закона не существует".

Это не единственный случай. У того же министра, как утверждают, собрана целая коллекция недвижимости и предприятий с помощью аналогичных методов противозаконного давления на предпринимателей и злоупотребления судебной властью. Таким людям, как Юсупов, негде искать правосудия, несмотря на закрепленное в конституции право собственности.

В Таджикистане в малом и среднем бизнесе занято всего около 1 процента трудоспособного населения, по официальным данным.⁴⁰ Подобные преграды в виде коррупции, государственного вмешательства, сложных налоговых правил и бюрократии также сдерживают рост сектора МСБ. До 2001 года число государственных инспекторов даже превышало количество бизнесменов.⁴¹ С тех пор лидеры деловых кругов добились некоторого сокращения числа проверяющих организаций, но малые предприятия по-прежнему часто становятся объектом хищнических рейдов, обычно без всякого основания. Опять-таки, попытки правительства создать горячие линии жалоб или другие механизмы защиты МСБ, похоже, никак не влияют на ситуацию.⁴²

Общей проблемой всех центральноазиатских стран является то, что руководство склонно видеть в частном секторе потенциальную угрозу своей политической власти. Пример Казахстана, где частные бизнесмены стали центром хорошо финансируемого оппозиционного движения, не остался незамеченным. В Кыргызстане бизнесмены были либо кооптированы

политической элитой, либо вытеснены из бизнеса, если возникала угроза их поддержки политических оппонентов. В Узбекистане страх перед формирующимся независимым классом деловых людей стал одной из причин непрекращающегося потока указов, усиливающих государственный контроль над многими отраслями бизнеса. Высокая степень государственного регулирования делает бизнес сильно зависимым от властей: при малейшем признаке деятельности, которая может считаться опасной для правительства, она может быть прекращена всего лишь угрозами отзыва лицензии или проведения налоговой проверки.

В таких системах трудно добиться роста МСБ, не бросая при этом вызов политической безопасности элит. Достойные похвалы проекты, такие как кредитные линии для МСБ, открытые при поддержке международных финансовых организаций, являются важным механизмом стимулирования роста бизнеса, однако зачастую они менее эффективны, чем работа с правительствами по снятию регулятивных барьеров, препятствующих росту. Кредитные линии ЕБРР для малых и средних предприятий в Узбекистане являются хорошей поддержкой частному сектору, однако 180 миллионов долларов, предоставленные Банком в виде кредитов с 1996 года, намного меньше той суммы, которую мелкие бизнесмены в Узбекистане потеряли за последние шесть месяцев в результате непродуманной политики правительства.⁴³

Чтобы достичь быстрого роста МСБ, страны Центральной Азии должны приступить к снятию барьеров – технических и политических – и согласиться с тем, что растущий средний класс со временем захочет иметь большее политическое влияние в своих странах. Весь набор западных программ содействия МСБ, от американской программы "Прагма" до кредитных линий МФИ, не будет эффективным без требований к правительствам одернуть коррумпированные и грабительские структуры, блокирующие экономический рост. Поддержка малого и среднего бизнеса должна быть гораздо

⁴⁰ Реальные цифры могут быть выше, в силу неформального характера значительной части сектора МСБ, но все же они явно невелики. См. информационную секцию журнала "Экономист" [Economist Intelligence Unit], "Страновой Отчет", март 2003 г., с. 23.

⁴¹ Там же., с. 34.

⁴² См. Отчет №51 МГПК, Таджикистан: маршрут развития [ICG Asia Report N°51, Tajikistan: A Roadmap for Development], 24 апреля 2003 г.

⁴³ Казахские чиновники утверждали, что только в октябре 2002 года 4 миллиона долларов США в день перетекало из Узбекистана в магазины и базары южного Казахстана в результате новых торговых ограничений. Интервью МГПК, октябрь 2002 г.

более тесно связана с политической защитой со стороны правительств и международных организаций, а также с помощью отдельным бизнесменам в объединении и создании ими своих собственных групп давления. Бизнесмены должны меть возможность создавать собственные группы лоббирования и защиты своих интересов и не бояться оказывать давление на государственные власти снизу. В нынешней политической реальности они вряд ли станут мощной политической силой, если не убедить правительства в том, что активный, независимый от государства бизнес-сектор необходим для будущего экономического роста.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бывшие советские республики Центральной Азии исторически образовывали центр Внутренней Азии, через который пролегал основной торговый маршрут между востоком и западом, севером и югом. Они снова могли бы взять на себя эту роль, способствуя торговле во всем регионе, от Китая до Ирана, России, Пакистана и Турции, и предлагая свои ресурсы, природные и человеческие, в качестве крупной силы в более обширном регионе.

Однако оптимистические прогнозы, преобладавшие во время эйфории первых лет независимости, пока не стали реальностью. Только Казахстан достиг реального экономического прогресса, оказавшего позитивное влияние на жизнь людей. В остальных частях региона большинство населения мечтает в основном об эмиграции в более богатые страны. При нынешней политической и экономической ситуации молодые люди не видят перспектив для роста. Правительства, похоже, не могут приспособиться к реалиям глобализации и неспособны удовлетворить растущие потребности растущего населения.

Роль международного сообщества в Центральной Азии не была во всем полезной. Инвесторы и международные организации должны принять часть ответственности за широкомасштабную коррупцию, ставшую обычной темой в делах государственного управления в регионе. В двухсторонних отношениях слишком часто преобладают геополитические и коммерческие интересы; западные государства далеко не всегда

готовы бросить вызов существующему порядку вещей или вслух заявить о политических репрессиях или коррупции в высших эшелонах власти. В результате во многих частях региона возникает глубокое разочарование Западом и демократией как политической системой, и нередко наблюдается рост исламистских настроений в защиту иного политического и общественного уклада.

ЕБРР не является исключением с точки зрения такого переменного успеха международного участия в делах региона. Решение провести ежегодную встречу в Ташкенте скорее демонстрирует намерение Банка поддерживать хорошие отношения с правительством, чем приверженность своим основополагающим принципам. Но сейчас у него есть шанс стать примером для остального международного сообщества в принятии более жесткой линии в отношении экономических и политических реформ и поставить дальнейшее финансирование в более сильную зависимость от реальных сдвигов.

Узбекистан – сердце Центральной Азии, и его политика оказывает глубокое влияние на стабильность и экономическое процветание соседей, в особенности Таджикистана и Кыргызстана. Внимание к реформам в Узбекистане не должно заслонять необходимость позитивных перемен в других центральноазиатских странах. Но Узбекистан обладает наибольшим потенциалом, как для создания экономических благ во всем регионе, так и для серьезной дестабилизации, если политическая и экономическая система страны и в дальнейшем не сможет оправдать надежд ее граждан.

Отсюда вытекает необходимость в более пристальном внимании к судьбе реформ в Узбекистане и в большей готовности международного сообщества оказывать реальное давление с тем, чтобы эти реформы осуществились. ЕБРР приняла новую страновую стратегию для Узбекистана, в которой сделан упор на перемены в политике и усиление экономических реформ. В стратегии намечен ряд областей, в которых, по мнению ЕБРР, должны произойти перемены: в области прав человека, а также в экономической политике.

Ключевыми вопросами являются те, с которыми большинство международного сообщества согласно, включая улучшение ситуации в сфере прав человека, в частности серьезные обязательства выполнять рекомендации Специального докладчика ООН по проблемам пыток; открытость политической системы, где могут свободно действовать правозащитные группы и политические организации; а также расширение свобод для прессы и СМИ.⁴⁴

В делах экономики либерализация валютного режима остается приоритетной задачей стратегии ЕБРР, помимо обязательств правительства реформировать сельское хозяйство, принятых в рамках соглашения с МВФ 2002 года; улучшение торгового и делового климата; реформа банковской системы и сокращение субсидий в энергетическом секторе. Невыполнение этих задач повлечет за собой пересмотр стратегии ЕБРР и возможное сокращение кредитного финансирования.⁴⁵

Страновая стратегия ЕБРР – это похвальная попытка заложить политические условия в программу международного финансирования. Однако опасность в том, что эта стратегия может стать еще одним бессмысленным документом, реализуемым непоследовательно и без серьезных обязательств со стороны правительства. ЕБРР должен открыто заявить, что Ежегодная встреча в Ташкенте не является знаком одобрения экономической политики Узбекистана, как это представляют узбекские СМИ, а скорее последняя возможность для перемен.

График перемен необходимо ускорить. Банк заявил, что стратегия будет пересмотрена через год: однако более короткий срок вполне реален. Некоторые условия ЕБРР (например, регистрация правозащитных групп) выполнить нетрудно. Правительство может так же легко сделать это сейчас, как и через год. Банку следует

ежеквартально проводить открытые доклады в Ташкенте и Лондоне о том, как он оценивает выполнение правительством поставленных им задач.

Дальнейшее финансирование должно подчиняться тщательно продуманным условиям. Объем финансирования третьей кредитной линии для МСБ должен быть поставлен в прямую зависимость от конкретных улучшений делового климата и условий для деятельности МСБ, включая либерализацию валютного режима. В случае дальнейшего ухудшения делового климата, Банку следует пересмотреть полезность кредитования МСБ в свете активного сопротивления правительства росту деловой активности.

Финансирование транспортного сектора нуждается в серьезном пересмотре в связи с неспособностью Узбекистана выполнить дух договоренностей в рамках программы ТРАСЕКА. Финансирование новых транспортных инициатив не должно производиться без соответствующих изменений пограничных режимов.

Чтобы заручиться поддержкой для мощных усилий по продвижению вперед реформы, ЕБРР должен более тесно работать с другими организациями, такими как ОБСЕ, в оказании политического нажима на правительство, чтобы добиться согласия на реформы. ЕБРР должен также дать понять правительству, что будет учитывать результаты мониторинга со стороны НПО и других групп при оценке действий правительства.

Правительства, имеющие интересы в регионе, также должны играть более весомую роль. Европейскому Союзу не удалось серьезно повлиять на политическую обстановку в Центральной Азии, и страны-члены ЕС зачастую слишком озабочены своими узкими коммерческими интересами, чтобы оказывать сколько-нибудь значительное политическое влияние. Страны ЕС в целом слабы в вопросах правозащитного характера или политического представительства. Великобритания в последний год начала занимать более жесткую позицию, которая была бы более действенной, если бы страны-члены ЕС выступили единым фронтом по ключевым вопросам.

⁴⁴ В отношении свободы прессы ситуация в Узбекистане выглядит не лучшим образом. Согласно рейтингу Дома Свободы за 2000 год, положение хуже только в Туркменистане, Саудовской Аравии, Бирме (Мьянмаре) и на Кубе. ПРООН, Гуманитарный Отчет [UNDP, Human Development Report. New York, Oxford, 2002, с. 39.] Однако в 2002 году были сделаны небольшие послабления в виде отмены официальной цензуры, и в некоторых газетах стали появляться критические статьи.

⁴⁵ Со страновой стратегией можно ознакомиться на сайте www.ebrd.org.

США играют особенно заметную роль в связи с усилением своего военного и политического присутствия в регионе. США установили с Узбекистаном тесные отношения в области безопасности и военного сотрудничества, но эти связи должны найти отражение в открытых требованиях реформ в политике и экономике. США и Узбекистан подписали амбициозную Декларацию о стратегическом партнерстве и сотрудничестве, в которой довольно подробно представлен ряд обязательств Узбекистан по реформированию политической системы, экономики и сектора правосудия. К сожалению, год спустя почти ни одно из них не выполнено. Тем не менее, в последнем коммюнике на тему узбекско-американских отношений, выпущенном в апреле 2003 года, говорилось, что "Соединенные Штаты высоко ценят меры, принимаемые Правительством Узбекистана по дальнейшей реализации политических реформ и созданию институтов гражданского общества". Не ясно, что именно представляют собой эти меры, а в остальной части документа содержится лишь намек на некоторую неудовлетворенность американской стороны сдвигами в проведении реформ.⁴⁶

Подобные формулировки больше не могут считаться разумными или оправданными. Позитивное участие и постоянные уступки правительству принесли мало пользы простому населению. Запад и, в частности, США, рискует дискредитировать себя слишком близкими отношениями с диктаторскими режимами Центральной Азии. Первым шагом должна стать договоренность между ОБСЕ, ЕС, США и ЕБРР о ряде фундаментальных реформ, крайне необходимых в Узбекистане, и открытое совместное заявление, сделанное после Ежегодной встречи ЕБРР, представляющее общую позицию этих ключевых игроков.

В целом, в большинстве государств Центральной Азии за последние десять лет не было серьезных политических конфликтов с применением насилия. Однако гордиться тут нечем: скрытое недовольство экономическим положением,

социальное возмущение и влияние радикальных исламистских групп вполне реальны, хотя не всегда заметны. Многие из этих режимов "железной руки" по сути слабы с точки зрения легитимности и функционирования государственных органов: отсутствие политических и экономических реформ угрожает не только процветанию и свободе народов региона, но и долговременной безопасности Центральной Азии.

В момент, когда репутация Запада в глазах исламского мира приобретает огромную важность, больше внимания следует уделять нуждам простых жителей Центральной Азии, а не их репрессивных правительств, зачастую действующих в собственных интересах. Международное сообщество и, в частности, Запад, рискует подорвать доверие к своему присутствию в регионе тем, что не оказывает должного давления на диктаторов. Участники Ежегодной встречи ЕБРР должны сделать это событие началом нового процесса реальных позитивных изменений; иначе оно станет лишь очередным примером легитимизации репрессивного режима международным сообществом и ослабления перспектив региона на мирное политическое и экономическое развитие в будущем.

Ош/Брюссель, 29 апреля 2003 г.

⁴⁶ Заявление для прессы, "Совместные консультации по сотрудничеству в области безопасности между Соединенными Штатами и Узбекистаном" [Press Statement, "United States – Uzbekistan Joint Security Cooperation Consultations"], Вашингтон, 15 апреля 2003 г. Источник: www.state.gov

ПРИЛОЖЕНИЕ А: ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ И ЦИФРЫ

Экономические показатели

	ВВП на душу населения (US\$) 2002	Реальный рост ВВП 1999	Реальный рост ВВП 2000	Реальный рост ВВП 2001	Реальный рост ВВП 2002	Прямые иностранные инвестиции на душу населения (US\$) по нарастающей, конец 2000
Казахстан	1,649	2.7	9.8	13.2	9.5	564
Кыргызстан	327	3.6	5.0	5.3	-0.5 ^a	92
Таджикистан	170	3.7	8.3	10.2	9.1	30
Туркменистан	2,278 ^b	16.9	17.6	20.5	21.2	176
Узбекистан	305	4.1	4.0 ^a	4.5 ^a	4.2 ^a	37

Источник: Информационное бюро журнала "Экономист" (Economist Intelligence Unit); ^a государственная статистика; ^b по официальному обменному курсу

Политическое/экономическое развитие

	Объединенный рейтинг политических прав и гражданских свобод Дома свободы за 2002 г. (от 1 до 7, 7 баллов означают наименьшую свободу)	Индекс экономической свободы Фонда Наследие/газеты Wall Street Journal за 2003 г. (из 156 стран)	Индекс гуманитарного развития ООН, 2002 (из of 173 стран)
Казахстан	5.5	119	79
Кыргызстан	5.5	104	102
Таджикистан	6.0	143	112
Туркменистан	7.0	146	87
Узбекистан	6.5	149	95

Политическое руководство

	Президент	Год прихода к власти	Следующие выборы	Возраст
Казахстан	Нурсултан Назарбаев	1989	2006	62
Кыргызстан	Аскар Акаев	1990	2005	58
Таджикистан	Имомали Рахмонов	1992	2006	50
Туркменистан	Сапармурат Ниязов	1985	-	63
Узбекистан	Ислам Каримов	1989	2007	65

Демографические данные

	Население 2000 (млн.)	Прогноз численности населения в 2015 (млн.)	Годовой прирост населения 1975- 2000 (%)	Население в возрасте до 15 лет (2000)
Казахстан	16.2	16.0	0.5	27.0
Кыргызстан	4.9	5.8	1.6	33.9
Таджикистан	6.1	7.1	2.3	39.4
Туркменистан	4.7	6.1	2.5	37.6
Узбекистан	24.9	30.6	2.3	36.3